

Л.С.ГРЕБНЕВ

ЭКОНОМИКА И МИФ – "ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ"?

Вероятно, из всех гуманитарных отраслей знания экономика представляется самой далекой от каких-либо мифов. Числовые данные о затратах и результатах, доходах и расходах не содержат в себе никакой мистики или мистификации (не считая приписок и других искажений или ошибок). Мнимые величины если и появляются, то как сугубо математические на продвинутой стадии применения в экономике соответствующих методов.

Можно также отметить воинствующий атеизм многих экономистов-теоретиков самых разных мировоззрений. Например, К. Маркс был материалистом, а Ф. Хайек – агностиком, но оба они четко дистанцировались от религиозной или иной мифической трактовки каких-либо экономических явлений, были в этом отношении типичными представителями западной научной традиции.

В то же время, реальной экономической деятельностью занимаются люди, в массе своей являющиеся приверженцами тех или иных религиозных (или иных, основанных на мифах) систем, так или иначе влияющих на принимаемые ими хозяйственные решения. Это обстоятельство не всегда принимается во внимание экономистами-теоретиками, особенно специалистами по методам анализа эффективности хозяйственных мероприятий. Однако тот же Ф. Хайек отмечает, что вера в Бога, следование религиозным предписаниям может иметь экономический смысл. ("Возможно, то, что люди подразумевают, говоря о боге, является всего лишь персонификацией тех традиционных моральных норм и ценностей, что поддерживают жизнь их сообщества" [2, С. 239].

Существует и противоположное влияние – экономической жизни на систему мифов, которыми люди вольно или невольно руководствуются в своем поведении. Причем эти мифы совсем не обязательно должны иметь религиозный характер. Из нашего недавнего прошлого можно вспомнить "плановый фетишизм". Было что-то мистическое в регулярно повторяющейся процедуре "закрытия плана" в конце квартала и, особенно, года. На какие только затраты не

* В работе развиваются соображения о взаимном влиянии экономической жизни и мифов, впервые высказанные автором в статье "Предметный мир экономистов: между чувственным и сверхчувственным" (См. [1]).

шли обычно бережливые хозяйственники, чтобы к определенной дате отчитаться о выполнении плана, хотя всем понятно, что жизнь будет продолжаться и дальше, что все эти даты в том числе и "1 января очередного года от Р. Х.", вещь очень условная, можно сказать, мифическая.

Может показаться, что пример этот "не про то", не о влиянии экономической жизни на мифы, а наоборот, о влиянии мифа (в данном случае, мифа "планового хозяйства") на экономическую жизнь вообще и на экономическое поведение людей в особенности. Но, "плановое хозяйство" – не плод изобретения какого-то "социалиста-утописта". Во-первых, хозяйства такого типа довольно часто встречались в прошлом, оставив после себя следы, сохранившиеся и до наших дней (например, пирамиды египтян, Великая китайская стена).

Во-вторых, рыночный механизм не так универсален, как это может показаться из знакомства с некоторыми переводными учебниками по рыночной экономике, и активная, в т.ч. и планирующая, роль государства в такой экономике в реальной жизни серьезных возражений не вызывает. Обсуждаются лишь способы осуществления этой роли, их согласования с парой других участников спектакля под названием "экономическая жизнь современного общества". При этом все понимают, что элементы "планового фетишизма" сохраняются. Без них громоздкая машина государственной бюрократии функционировать не может.

Наконец, рыночное хозяйство само порождает определенные мифы, иллюзии в головах его участников. Достаточно упомянуть феномен "товарного фетишизма", впервые исследованный К. Марксом в ряду других аналогичных феноменов. Экономическая наука и после него занималась этой темой. Более того, она (наука) сама способствовала формированию альтернативных мифических систем, влиявших на хозяйственное поведение людей. ("Структура действующей модели может сама по себе определяться консенсусом взглядов участников процесса. Монетаризм или кейнсианство – любая из моделей будет работать одинаково хорошо, все будет зависеть только от того, которую из двух моделей участники согласятся считать истинной" [3, С. 443]).

Видимо, с большей долей уверенности можно утверждать, что возможно существование различных экономических систем и различных мифических систем с разной степенью их совместимости в каждом

конкретном обществе. При высокой степени совместимости экономика функционирует и развивается нормально и как бы "не замечает" своей мифической среды. При низкой степени совместимости в экономике нарастают кризисные явления и от нее исходят импульсы к смене мифической среды, которая может происходить под видом "деидеологизации", осуществляемой в более или менее радикальных формах. Таким образом, только что описанный механизм связей "экономики и мифа" вольно или невольно способствует формированию еще одной иллюзии (мифа?): о нейтральном (в лучшем случае) и о враждебном (в худшем) отношении экономики к мифам, что и находит отражение в позициях многих экономистов-теоретиков.

Но тогда возникает целый ряд других вопросов: об отношении науки к мифам, о возможностях демифологизации самой науки – и науки вообще, и экономической науки в особенности. Известно, что 18-19 вв. прошли в целом под знаком враждебного отношения науки к мифам. Они допускались главным образом как предмет исследования. Отчасти эта линия протянулась и в 20 век в виде стремления изжить из науки "метафизические" понятия, категории, утверждения (например, в экономике – о сущности явления понятия цены, о субстанции стоимости и т.п.) теоретики неоклассического течения – основного в современной мировой экономической науке – много потрудились на этом направлении.

Однако известно также, что в 20 веке ситуация в отношении науки к мифу весьма сильно изменилась. Появилось понимание того, что фактически любая научная система имеет мифическое ядро. ("Наука не рождается из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда мифологична" [4]). И в интересах самой науки это ядро выявлять, делать предметом рассмотрения, обсуждения.

Собственно, сама наука как особая сфера человеческой деятельности появилась в Новое время в рамках западной культурной традиции, называемой также иудейско-христианской. Сакральное отношение к познавательной активности индивида заявлено уже на первых страницах Ветхого Завета, в мифе о вкушении плода дерева познания добра и зла – первородном грехе человека, причине того, что хлеб свой ему приходится добывать "в поте лица своего" (Быт 3:19), т.е. трудиться, заниматься хозяйственной (экономической) деятельностью. "Индивид – познание – труд (экономика)" – таков специфический набор ключевых слов иудейско-христианской культурной традиции.

Конечно, тема познания присутствует и в других системах мифов. Однако в наиболее близкой к рассматриваемой – греко-римской системе – познание и обычный труд разведены на большое расстояние (познание – удел свободного человека, труд – удел раба). Что же касается восточных культурных традиций, то в их системах мифов понимание индивида в корне отличается от западного.

Отметим в связи с этим один важный нюанс, который будет использован в дальнейшем изложении. В соответствии с обычной восточной мифологией, каждая душа существует "от века", сменяя в процессе существования различные телесные оболочки, как человеческие, так и животные. Говорить здесь об индивиде как о чем-то уникальном не приходится. Тела меняются, душа остается.

В соответствии же с западными (иудейско-христианскими) мифами души всего лишь бессмертны. Они существуют не "от века", а даются только людям и в только индивидуальном порядке при их рождении (т.е. здесь совсем другая арифметика: одна душа – одно тело). Каждый создан по образу и подобию Бога (Быт 1:26).

Поскольку в восточной системе количество душ не увеличивается, она по построению должна отличаться высокой стабильностью, уравновешенностью, не исключаяющей многообразных изменений, но предполагающей их цикличность. В западной же системе число душ постоянно растет (чуть ли не по экспоненте). Несмотря на их бесчисленность, здравый смысл подсказывает, что такой рост не может продолжаться бесконечно долго, рано или поздно "количество должно перейти в качество". Поэтому представление о неизбежности "конца света" (эсхатология) – естественный компонент именно западной системы мифов.

Сравнение западной и восточной систем мифов можно продолжать и дальше, но и сказанного, видимо, достаточно, чтобы сделать вывод о существенном различии, даже противоположности этих систем по самым важным пунктам понимания мира и человека. В свою очередь, этот вывод позволяет и на экономическую науку взглянуть под другим углом зрения. Как и всякая наука Нового времени, она – плод западной цивилизации, причем плод сравнительно поздний, появившийся после возникновения естественных наук, особенно физики, математики. Поэтому естественно, что по своим методам эта наука органично вписывается в западную систему мифов.

Что же касается предмета экономической науки, то он наиболее органично вписывается лишь в восточную систему мифов. Будем ли мы рассматривать классический цикл воспроизводства материальных благ: "производство – распределение – обмен – потребление", с которым работали экономисты-классики до К. Маркса включительно, или обратимся к неоклассической теории общего равновесия, и в том, и в другом случае объект науки "ведет" себя в высшей степени статично, его изменения замкнуты "на себя" и если не ведут к равновесному состоянию, то просто разрушают объект. Что характерно: "восточным характером", если верить теоретикам, обладает и "западная экономика", если под ней иметь в виду развитой рынок с включением в отношения обмена или аренды всех факторов производства. И этот "восточный характер" диктует свое весьма определенное понимание человека, индивида как всего лишь функционального элемента системы. Свойства его диктуются целым, подгоняются под шаблоны, правила, соблюдение которых призвано поддерживать общее равновесие, нормальное функционирование цикла воспроизводства, соблюдение которых призвано поддерживать общее равновесие, нормальное функционирование цикла воспроизводства¹.

Можно сказать, что "восточный характер" предмета экономической теории довлеет над "западным характером" методологии этой науки. Причем относится это не только к классике вообще и марксизму в особенности. Неоклассическая школа, несмотря на декларируемое внимание к индивиду, его поведению, предпочтениям, вынуждена абстрагироваться от самого главного свойства человека, которое в западной системе мифов состоит в способности к самостоятельным (свободным) поступкам, в отсутствии их предопределенности (детерминированности). А ведь именно это свойство – спонтанной активности – лежит в основе принципа частной собственности, без которого не мыслима рыночная экономика. Связь здесь весьма простая: кто принимает решение, тот получает и все результаты его реализации, как

¹ "Целью маржиналистов было не желание точнее отразить реальные мотивы покупателя и продавца, а стремление создать строгую, логически непротиворечивую теорию равновесного гармоничного обмена. Первостепенную роль... играл здесь математический инструментальный дифференциального исчисления. Отсюда необходимость такого субъекта, который "любит" и "умеет" максимизировать нелинейную функцию полезности. Выбор психологических оснований для теории предельной полезности... был в значительной степени определен общей мировоззренческой установкой самой теории" [5].

положительные (например, доходы), так и отрицательные (например, убытки). В первом случае имущество прирастает, во втором – сокращается (каждый платит по своим обязательствам из своего имущества) или даже исчезает.

И вот такому самостоятельному индивиду, частному собственнику и свободному предпринимателю экономисты-неоклассики вынуждены приписывать стабильность предпочтений для обеспечения теоретической устойчивости равновесия, идти на другие отклонения от западной культурной традиции в сторону восточной. Поскольку традиции этих систем противоположны в понимании человека (индивида) и его места в мире, экономическая наука оказывается в крайне затруднительном, если не безвыходном положении.

Скорее всего, выход есть, но не на уровне самой экономической науки, или науки вообще, а на уровне систем мифов, без которых нет и науки. Выход может быть в создании (или осознании) некой иной системы мифов весьма высокого (скажем прямо – предельно высокого) уровня общности.

Однако мифотворчество – слишком отвлеченная вещь, чтобы заниматься этим для облегчения положения экономической науки. И дело тут не в экономически нецелесообразном соотношении цели и средства ("из пушки – по воробьям"), а в неприменимости самой связки "цель – средство", когда в качестве средства выступает именно мифотворчество высокого уровня (миф, уже существующий, вполне может трактоваться как средство, как это сделал Ф. Хайек, или даже использоваться в качестве такового – вспомним, например, "встречные планы" конца периода застоя). Такого рода творчество может быть вызвано потребностью гораздо более общего масштаба, чем экономическая теория и даже чем теория вообще.

За пределами экономической науки "восточные мотивы" в западной культуре постоянно воспроизводятся, как только жизнь заставляет рассматривать отдельно взятого человека (индивида) как часть чего-то большего, чем он сам (но меньшего, чем Бог). Проблемы соотношения единичного и общего, тотального (лат. *totalis* – всеобщий), – сквозная тема западной философии, начиная с античности. Линия на подчеркивание самостоятельной роли общего по отношению к единичному существовала всегда и всегда подвергалась разнообразной критике. В XX веке ее стали обвинять в попустительстве тоталитаризму, включая фашизм (лат. *fascis* –

связка)². В число критикуемых попали, в частности, Аристотель и Платон, не говоря уже о Гегеле, от которого до К. Маркса – "один шаг".

Конечно, критиковать можно кого угодно, особенно в наше время. Однако друг и единомышленник классика западной философии К. Поппера – Ф. Хайек был вынужден, может сам того не замечая, вплотную приблизиться к точке зрения "тоталитаристов" Гегеля и Маркса. В книге, также посвященной борьбе с врагами открытого общества, он написал: "С ходом времени появляется нечто новое, ранее не существовавшее: *самоподдерживающиеся структуры*, представленные до какого-то момента лишь определенными материальными воплощениями, *обретают самостоятельное бытие* (курсив мой, – Л.Г.), сохраняясь во времени в самых разнообразных манифестациях. ...Появившись однажды, подобная модель становится такой же составляющей мирового порядка, как и любой материальный объект" [2, С. 256-257].

Если учесть, что к такого рода "моделям" относятся и цикл воспроизводства материальных благ, и цикл воспроизводства людей (хотя бы как биологически сменяющих друг друга поколений), и многое другое в жизни природы и общества, то окажется, что отдельно взятый индивид – часть самых разных "тотальностей", существующих вне и независимо от него, ограничивающих сферу его самостоятельных действий определенными рамками, "абстрактными правилами", говоря словами самого Ф. Хайека.

Правда, Ф. Хайек не делает последнего шага. Сказав "а", т.е. признав объективное существование циклических процессов как материальных объектов в ряду других материальных образований, он не сказал "б", не отнес к числу таких объектов воспроизводящее себя общество. Но он и не мог этого сказать, т.к. тогда он встал бы на ту же точку зрения, что и критикуемые им Г. Гегель и К. Маркс. Ведь именно в цикличности процессов видели они специфику функционирования и развития общества. А цикличность, как уже отмечалось – отличительная черта восточной системы мифов в сравнении с западной.

Вообще говоря, при большом желании следы цикличности можно обнаружить и в западной системе мифов. Вспомним, например, выражения "время разбрасывать камни, и время собирать камни" и другие аналогичные формулы из Экклезиаста (Эккл 3:5). Все это очень важные мысли, но они фиксируют лишь преходящий характер всего определенного, устоявшегося.

² Особенно много внимания такой критике уделил К. Поппер. (См., например [6]).

В них нет и намека на определенную последовательность переходов от одних состояний к другим, образующую цикл.

Это и понятно. Ведь цикл – это тоже определенность и, следовательно, тоже "проходит", исчезает согласно западной системе мифов. Можно сказать, что в этой системе переходы от одного определенного состояния к другому не складываются в определенную же систему, а остаются "в целом" бессистемными, не направленными. Если каждый отдельный переход представляет собой исчезновение одной реальности и становление другой, то совокупность этих переходов представляет собой "абсолютное движение становления". Тем самым преодолевается не только цикличность Востока, но и "линейность" Запада, его ориентированность на "конец света".

Разумеется, ход мысли, намеченный в предыдущем абзаце, выходит за рамки западной системы мифов. Но начинается он именно в ней ("все проходит"). Ниже мы к нему еще вернемся, а пока отметим, что "абсолютное движение становления" предполагает преходящей жизнь не только отдельного человека, или человеческого рода, но и любой определенной реальности, включая души, если в каком-либо смысле можно говорить об их существовании. Отметим и то, что и Г. Гегель, и К. Маркс, каждый по-своему (один как идеалист, другой как материалист), не столько вводили в западную систему "восточные мотивы", сколько пытались развить именно рассматриваемую линию западной системы, абсолютистскую линию ("ничто не вечно"). В результате один пришел к "абсолютному духу", другой – как раз к "абсолютному движению становления" (См., например, [7]). Можно сказать, что оба эти теоретика шли к системе мифов более высокого уровня общности, чем западная и восточная системы.

Обратимся теперь от теории к практике, точнее, к экономической жизни. Здесь уже становится реальностью (хотя еще и не стало) хозяйственное единство человечества. Вряд ли такое единство сможет стать прочным без хотя бы частичного преодоления несовместимости западной и восточной систем мифов. Дело в том, что само хозяйственное единство человечества складывается как результат двух весьма разнородных факторов – экономического и экологического.

Первый, экономический, фактор связан с постепенным втягиванием в мировое рыночное хозяйство все новых стран и регионов мира, с все более свободным доступом к ресурсам самых различных экономических субъектов. Известно, что этот фактор экономической интеграции человечества сформировался на основе западной системы мифов (включающей с первых

страниц Ветхого завета и такой элемент: "свободный индивид – властитель природы". В этот же ряд попадают наше дореволюционное: "природа не храм, а мастерская" и более позднее: "мы не можем ждать милости от природы...").

Второй, экологический, фактор связан с возрастающим неблагоприятным воздействием человека на среду обитания как в процессе производства материальных благ, так и в процессе потребления, невозможностью ограничить влияние этих воздействий местом (и временем) обитания непосредственных виновников таких воздействий, необходимостью координации экономической активности и даже совместной хозяйственной деятельности в самых разнообразных масштабах – от коммуны (общины) до мира в целом. Известно также, что представление о человеке (человечестве) как органической части природы, о необходимости подчиняться ее ритмам и законам, учитывать интересы других людей, даже других поколений – все это отличительные особенности восточной системы мифов.

О потребности в преодолении несовместимости рассматриваемых систем мифов свидетельствуют также, с одной стороны, возрастающий интерес к восточным системам на индустриально развитом западе (отчасти он стимулируется экологическими последствиями индустриализации, отчасти – обеднением содержания человеческой жизни при упоре на индивидуализм). С другой стороны об этом свидетельствуют попытки (в т.ч. и в нашей стране) имплантировать западный "образ мыслей" как средство решения проблем модернизации общества восточного типа. (Подчеркнем, что речь идет именно об образе мыслей, системе мифов, т.к. "образ жизни" по западным стандартам – вещь абсолютно недостижимая в широком масштабе при современных средствах взаимодействия с природой).

Существуют и некоторые примеры частичного преодоления несовместимости восточной и западной систем мифов. Причем примеры, по общему мнению, ставшие основой крупных успехов именно в экономической жизни. Речь идет о Японии – одной из самых преуспевающих стран и об ИБМ – одной из самых преуспевающих корпорации.

Начнем с Японии, точнее, с особенностей корпоративного капитализма в этой стране. "Для корпорации – юридического лица такого понятия, как смерть, теоретически не существует. Конечно, корпорации могут терпеть банкротство или распускаться, но по логике вещей такие явления преходящи: просто меняются акционеры, а корпорация может существовать вечно... Представлять корпорацию (в ее отношениях с другими хозяйствующими

агентами, – Л.Г.), которая вечна, и представлять людей, которые не могут избежать смерти, – это качественно различные вещи. Отсюда и возникает столь горячая преданность корпорации, представляющей собой нечто абстрактное и бессмертное. В отношениях между людьми наряду с преданностью мы встречаем и предательство. Строятся ли эти отношения на контракте или на чувстве долга, они не могут быть вечными.

Однако, когда дело касается преданности корпорации, ...такие низменные стороны человеческих отношений, как предательство, уже не встречаются и отношения становятся вечными... Здесь-то и кроется секрет, почему в Японии – стране, где корпоративный капитализм нашел свое наиболее полное воплощение и где утвердился принцип "корпорация прежде всего", – корпорации интегрировали работников в свою систему. Не управляющие интегрировали работников – именно сами корпорации взяли их в плен, а управляющие лишь исполнили это" [8].

Отметим прежде всего, что ключевая здесь – тема смерти и бессмертия. Та самая, по которой в данном исследовании противопоставляются западная и восточная системы мифов. Конечно, впрямую ни одна из этих систем не соотносима с описанной ситуацией. И, тем не менее, "восточные мотивы" в отношениях корпорации (японской) с работниками прослеживаются без труда. "Преходящее обслуживает вечное" – такой формулой можно описать эти отношения. Причем это вечное – не единственный, единый для всех Бог (как в монотеистических религиях), а единственная для каждого Корпорация, коих в экономической жизни много.

Ситуация эта очень во многом напоминает исходный пункт человеческой истории: множество родовых общин, у каждой свой тотем (кумир, бог), каждая представляет собой что-то вроде коллективного животного во взаимодействиях с природой и другими общинами, в каждой имеется "поголовное рабство" (= абсолютная преданность) смертных людей по отношению к бессмертному целому, тотальности. И родовая община, и корпорация – потенциально бессмертны, но бессмертны именно потенциально. Иными словами, только самозабвенное служение постоянно обновляющегося "персонала" позволяет сохранять шанс на продолжение существования "коллективного индивида".

В целом можно сказать, что в рассматриваемой ситуации "западное начало" присутствует на уровне корпорации, которая и выступает как агент рыночных отношений. Но логика корпорации требует "восточного (а точнее – первобытнообщинного) мировоззрения от индивидов, связавших с ней

свою судьбу. Причем логика корпорации требует этого везде – и на Западе, и на Востоке, но на Западе при этом возникают проблемы из-за ее столкновения с иудейско-христианской системой мифов, а на Востоке синтез логики корпорации с системой мифов оказывается весьма естественным и эффективным. Япония – только один пример, наиболее впечатляющий сегодня. Не исключено, что Россия со временем встанет в ряд аналогичных примеров.

В пользу такого предположения говорит то, что в свое время племена, населявшие территорию нашей страны, переходили к оседлому образу жизни на языческой культурной мифологической основе. Точно также как и большая часть племен (народов) Востока. Перейдя к соседской общине (и семье), они сохранили дух коллективизма (точнее, причастности индивида к чему-то большему, чем он сам, бестелесному и бессмертному), изначально сформировавшийся в рамках родовых общин. Соборность, о которой недавно вспомнили, отнюдь не была привнесена вместе с православием. Скорее наоборот. Здесь уместно вспомнить, что и мусульманский принцип взаимопомощи связан с приобщением к монотеистической религии племен, ведших кочевой образ жизни.

Еще одно, последнее соображение в связи с японским синтезом "запада и востока", позволяющее сделать естественный переход к опыту ИБМ. "Поголовное рабство", "взятие в плен" корпорациями своих работников – это не метафоры, а реальность. Но реальность, рассматриваемая как бы извне, глазами человека, живущего в рамках западной системы мифов. "Поголовное рабство" в первобытной общине не наблюдается самими членами общины именно из-за его всеобщности, поголовности. Психология члена родовой общины – это психология свободного человека, самостоятельно принимающего массу хозяйственных решений и в то же время свободного от забот об обеспечении своего собственного (индивидуального) существования.

Точно так же современная корпорация, притязаящая на преданность себе со стороны своих работников, должна обеспечить им избавление от основной части забот по обеспечению средств существования. Иными словами, распределение не "по труду", а "по потребностям" (конечно, разумным, индивидуализированным) – это весьма эффективное средство обеспечения выживания родовых общин в далеком прошлом и преуспевающих на мировом рынке корпораций в настоящем, а вовсе не "коммунистическая утопия" лондонских и иных мечтателей.

Рассмотрим теперь некоторые элементы системы принципов (мифов?), уже не одно десятилетие культивируемых в ИБМ:

"Сильная, официально провозглашенная вера в индивидуализм ("уважение к человеку")... Главное здесь – идея индивидуализма, понятия, обычно противоположного интересам всякого корпоративного образования...

Единый статус для всех работников... Последовательное поощрение индивидуализма подразумевает обращение к идее статуса, при осуществлении которой все работники (руководители они или нет) должны определенно находиться в одинаковых демократических условиях...

ИБМ принимает обязательства (и находит для их выполнения средства) обучать и переобучать всех своих сотрудников, чтобы дать им возможность полностью реализовать свой потенциал ("от каждого – по способности"? – Л.Г.)...

Намеренное затруднение деятельности линейных руководителей...

Поощрение несогласия. Один из главных способов развития в людях индивидуализма, широко практикуемый в ИБМ, состоит в поощрении расхождений во взглядах...

Поощрение горизонтальных связей. Во вновь возникающих организационных формах (таких, как клеточно-органическая структура) вертикальные взаимосвязи подвергаются разрушению, чтобы быть замененными широкой сетью горизонтальных связей между работниками одного уровня; и этот процесс будет усиливаться благодаря развитию информационной технологии.

Институционализация изменений. Это... своего рода "смазочный материал" для механизма, позволяющего освободить организацию в случае, если бюрократия применит свою удушающую хватку. Теперь в ИБМ реорганизации следуют одна за другой, что не дает вполне развившимся бюрократическим структурам основательно закрепиться" [3, С. 50-52].

Читая эти строки, написанные западным автором, можно подумать, что они весьма органично вписываются в западную систему мифов, особенно в том, что касается индивидуализма. Однако это не совсем так. Прежде всего, "индивидуализм" возможен очень разный: от экзистентного (от лат. *existo* – существую) до творческого. В первом случае индивид сам поддерживает свое существование, используя для этого как внешние вещи (и других людей), так и себя самого, включая свои творческие способности в качестве средств достижения простой цели – выживания (это можно назвать

самоэксплуатацией). Можно сказать, что в этом случае человек – раб своего желудка (своего, но всего лишь желудка).

Во втором случае человек (индивид) освобожден (неважно – кем) от заботы о своем существовании, что позволяет раскрываться и развиваться его способностям без "внешнего принуждения". Не трудно заметить, что западной системе мифов больше соответствует первый тип индивидуализма, отсутствующий в системе приоритетов ИБМ. Второй же тип индивидуализма ("свободная индивидуальность") в различных формах присутствует и в родовой общине (о чем уже писалось выше), и в производных от нее восточных системах мифов, и в ИБМ. Причем в последнем случае постиндустриальная техническая база создает особенно благоприятные условия для реализации принципа творческого индивидуализма, хотя внешняя рыночная среда диктует и этой корпорации в качестве цели – обеспечение выживания в долгосрочном аспекте. (См. [3, С. 436]).

Фиксация разных типов индивидуализма и одного из них – в восточной системе мифов позволяет и на западную систему мифов посмотреть как на частный (может быть, точнее сказать – вырожденный) случай модификации первичной системы мифов. Причем, модификации, имеющей тесную связь (прямую и обратную) с изменениями в хозяйствовании, экономике.

В самом общем виде можно отметить три крупных этапа преобразований. Первый их них приходится на первичную оседлость в ходе аграрной революции эпохи неолита. При этом экономическая трансформация родовой общины в систему "соседская община – семья" сопровождалась в сфере мифов трансформацией тотема в систему "священная земля (народа) – духи предков (семьи)" с весьма различным "удельным весом" компонент этой системы у разных народов (в зависимости от обеспеченности жизненным пространством в момент перехода к оседлой жизни). Можно сказать, что восточная община (исторически первая форма соседской общины) отличалась сочетанием высокой степени регламентации хозяйственного поведения индивида и низкой степени (или даже отсутствием) регламентации его личной, духовной жизни. Одно как бы уравнивало другое. Причем, не только во время оно, но и совсем недавно, если говорить о России. Например, во времена застоя то, что называется "кухонной свободой слова", хорошо дополняло и компенсировало лояльность "по службе".

Второй этап преобразований тесно связан с явлением "вторичной оседлости", которое наибольший след оставило в иудейской мифологии. Уже

первичный миф о рае, из которого был изгнан человек, предполагает наличие достаточно устоявшегося оседлого образа жизни, специфического (сакрального) отношения к земле. Если какой-то народ из-за неизбежных конфликтов с соседями по поводу "жизненного пространства" лишается оно, то это естественно ведет к кардинальному сдвигу приоритетов в системе мифов "земля – духи предков" в пользу первого компонента за счет второго. Отсюда известная формула монотеизма: "не сотвори кумира" и другие из того же ряда, отношение к определенной территории как к чему-то, завещанному "от Бога" соответствующему народу. Священная земля как религиозная ценность гораздо дальше от индивида, чем ее исходный пункт – тотем родовой общины. От нее остается один шаг до христианской системы мифов, уже не привязанной к определенной территории и одному народу. При этом исходное равенство всех перед своим родом естественно переходит в равенство всех перед Богом.

Третий этап преобразований связан с тем, что можно назвать здесь "третичной оседлостью". В данном случае речь идет о племенах, сначала приобщившихся к христианству в период поздней античности и лишь затем, уже под новой системой мифов садившихся на землю. Речь, разумеется, идет о Западной Европе, о европейской соседской общине. В экономическом аспекте от восточной ее отличает гораздо большая автономность семейного хозяйства, основанного на богарном земледелии с использованием тяжелого плуга и органических удобрений (т.е. семейный индивидуализм первого типа – экзистентного). В мифологическом же аспекте ее отличает высокая степень унификации духовной жизни, поскольку можно говорить не только о монотеизме, но и о монорелигиозности. Фактически в Западной Европе в процессе перехода к оседлости религиозная община слилась с мирской соседской общиной.

Велико было переплетение мифологической (религиозной) и хозяйственной сторон жизни и на более высоких ступенях организации общества. По мере развития индивидуального начала в хозяйствовании, стимулируемого преобладанием ручных орудий труда и поддерживаемого духом этой религии, его высвобождение из тесных уз коллективных (корпоративных, цеховых и т.д.) связей неизбежно принимало форму освобождения (частичного или полного) от буквы религиозных предписаний,

перехода к религии человекобожества, скептическому отношению ко всему, чего нельзя проверить "на ощупь", к сверхчувственному.

Продолжением этой линии стала и атеистическая европейская наука Нового времени, а ее логическим завершением – позитивистские стандарты научности, принятые в качестве методологической парадигмы экономистами-неоклассиками. В начале данной работы об этом уже говорилось.

В конце же остается выразить надежду, что приведенные выше соображения помогут лучше понять характер и глубину тех трудностей, даже кризиса, который переживает отечественная экономическая наука (да и жизнь), плененные самыми разнообразными мифами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребнев Л.С. Предметный мир экономистов: между чувственным и сверхчувственным. Вопросы экономики, 1993, № 4.
2. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992.
3. Мерсер Д. ИБМ: управление в самой преуспевающей корпорации мира. – М.: Прогресс, 1991.
4. Лосев А.Ф. Философия. Методология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. С. 32.
5. Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993, С. 41.
6. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Прогресс, 1993.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. С. 476.
8. Хироси Окумура. Корпоративный капитализм в Японии. – М.: Мысль, 1986. С. 177.